

ИСЛАМ В ДАГЕСТАНЕ

УДК 94(470/67)

Д.С. Кидирниязов, Ю.М. Лысенко

Власть и мусульманское духовенство ногайцев Северо-Восточного Кавказа в 20–30-е гг. XX в.

ИИАЭ ДНЦ РАН; ljuma78@mail.ru

В рамках научной статьи делается попытка проанализировать сложный процесс взаимодействия органов государственной власти и мусульманского духовенства. Рассматриваются политика государства по отношению к мусульманским священнослужителям и процесс закрытия мечетей в районах компактного проживания ногайцев Северо-Восточного Кавказа в 20–30-е гг. XX в. Охарактеризованы положение и деятельность мусульманского духовенства, шейхов, мюридов, алимов, мусульманских учебных заведений, названы имена их преподавателей. Отмечено, что многие из них вели преподавательскую деятельность в светских учебных заведениях. Отмечены отдельные аспекты антирелигиозной политики государства. Приведены статистические данные о числе служителей и мечетей. Показано, что в изучаемый период религия и религиозное образование оказывали большое влияние на духовную культуру ногайцев.

Ключевые слова: *мусульманское духовенство, ногайцы, шейх, мюриды, мечеть, медресе, репрессии.*

The article discusses the complicated process of interaction between state authorities and the Muslim clergy. The authors analyse state policy towards Muslim clergy as well as the process of mosques' closing in the Nogais densely populated areas in Northeast Caucasus in the 20–30s of the 20th century. The activities of Muslim clergy, sheikhs, murids, alims and Muslim educational institutions have also been analyzed. The authors list the names of the teachers and stress that many of them worked in secular educational institutions as well. Some aspects of the anti-religious policy of the state in the region have been pointed out. The article provides statistics on the number of mosques and mullahs in the area. It is shown that during the period under discussion, religion and religious education had a great influence on the spiritual culture of the Nogais.

Keywords: *Muslim clergy, Nogais, sheikh, murids, mosque, madrassah, repressions.*

На современном историческом этапе ногайцы Северо-Восточной части Ногайской степи проживают на территории Ногайского, Кизлярского, Бабаюртовского, Тарумовского районов Республики Дагестан, в Шелковском районе Чеченской Республики, Нефтекумском, Степновском и других районах Ставропольского края. В рассматриваемый период административно ногайцы проживали в Ачикулакском, Каясулинском, Караногайском и Шелковском районах. Причем границы их активно менялись, так же, как и административная принадлежность. Ачикулакский район был включен в состав ДАССР постановлениями ЦИКа ДАССР от 16 ноября 1922 г. 14 января 1923 и 14 января 1924 г. Караногайский (в 1928 г. – кантон) район был образован из Караногайского участка Кизлярского округа. Шелковской район был образован в границах Притеречного участка Кизлярского округа в 1928 г. Каясулинский район был образован позднее – 23 января 1935 г. на части территории Ачикулакского района и Аликуюнского сельсовета Моздокского района. Все вышеперечисленные районы постановлением ВЦИК от 22 февраля 1938 г. были переданы из состава Дагестана в состав Орджоникидзевского (ныне Ставропольского)

края [4, с. 87, 106, 112, 138]. Таким образом, практически весь исследуемый в статье период, районы компактного проживания ногайцев находились в составе ДАССР.

Политика по отношению к религии в местах компактного расселения ногайцев в 20–30-е гг. XX в. была схожа с общегосударственной, но имела и свои региональные особенности. Многие вопросы взаимоотношений власти и религии в Ногайской степи подробно рассмотрены А.А. Ярлыкаповым в фундаментальной монографии «Ислам в Ногайской степи» (М., 2008). В нашем сообщении они дополнены документальными материалами, извлеченными из Центрального государственного архива Республики Дагестан составителями сборника документов «Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). Документы и материалы» / (сост. Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Амирханова М.М. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007) и сведениями, опубликованными в других изданиях.

Стоит отметить, что наиболее сильно пострадали ногайские муллы в 1918–1920 гг. в период гражданской войны. Многие священнослужители были убиты, в т. ч. мулла аула Иргаклы Махмуд-эфенди Амамбаев [6, с. 2], Умар-Газы Кулунчаков, Эфенди-Нур-Магомет Эсполов и др. [8, с. 122].

Затем наступает период умеренного отношения к исламу, в 20-е гг. XX в. Советская власть терпимо относится к мусульманской вере и мусульманским школам. В первой половине 1920-х гг. сеть мусульманских религиозных школ оставалась значительной, не подвергаясь административным ограничениям. Нередки были также случаи, когда в открывавшихся в сельских населенных пунктах советских школах вводилось обучение Корану, т. к. духовенство Ногайской степи – муллы, составляя подавляющее большинство школьных учителей, вело борьбу за сохранение права преподавания мусульманского вероучения в школах.

Согласно циркуляру Народного комиссариата национальностей от 4 октября 1922 г. «богословские» школы, содержащиеся за счет добровольных пожертвований, не могли быть закрыты. К «богословским» школам относились мектебы и медресе [3, с. 153].

В июне 1924 г. ВЦИК СССР принял Постановление о преподавании в школах основ ислама. Ввиду недостаточности требуемого количества школ муллам разрешалось преподавание вероучения в мечетях, мектебах, но запрещалось его преподавание в двухступенчатых школах [7, с. 106].

Вплоть до конца 20-х гг. XX в. примечетских школ в регионе было больше, чем советских, открывались и новые. Так, в 1928 г. в Ачикулакском районе в селе Тукуй-Мектеб по инициативе мусульманской общины «Тарикат» была открыта школа-медресе по обучению детей Корану. В школе обучалось 7 учеников в возрасте от 18 до 25 лет. Преподавателями являлись арабисты Суфетдин Абдуллаев и Гаджи-Муса Абдулсадыков, ранее лишенные избирательных прав [1, с. 62].

В 1926–1927 гг. на территории Ачикулакского района Биймурза-эфенди в мектебах обучал до 40 человек, в начале 30-х гг. XX в. в ауле Коммунист Караногайского района муллою Баталом обучалось до 20 детей [8, с. 122].

Так как светских школ было недостаточно для охвата всех детей, власть была вынуждена идти на компромиссы в вопросах обучения. Прогрессивно настроенное духовенство Северного Кавказа выдвинуло предложение о создании «промежуточной» школы, которая бы действовала наряду со светской. В этих школах предлагалось изучать основы ислама и светские предметы. Население эту идею также поддерживало, причем во многих селах школы действовали именно подобным образом [3, с. 156].

Многие преподаватели совмещали свою работу в светских и мусульманских школах, так как грамотных людей было очень мало. В 1926 г. известный просветитель, составитель ногайского алфавита на основе латинской графики А.Х. Джанибеков в Ачикулаке познакомился с М. Курманалиевым, З. Дуйсалиевым, А. Колдасовым, З. Кайбалиевым и предложил им перейти на педагогическую работу в светские школы, что и было сделано [7, с. 107]. Керим Нурмамбетов из селения Яман Шелковского района в 1922 г. получил звание «эфенди» и разрешение учить детей в мусульманской школе, а также лечить людей. А с 1924 г. по 1934 г. он занимался преподавательской деятельностью и в светской школе, активно участвовал в «борьбе с безграмотностью» не только среди детей, но и среди взрослых. Бегали Шамавов, зная арабский язык, учил детей и латинскому алфавиту.

На рубеже 1920–1930-х гг. с началом массовой коллективизации сельского хозяйства и форсированием всеобщего обязательного начального обучения происходит процесс резкого сокращения мусульманских школ, закрытия мечетей, репрессий священнослужителей.

Об острой обстановке свидетельствуют сводки ОГПУ по антирелигиозной работе. Так, в одной из них указывается, что в Ачикулакском районе в с. Камыш-Бурун в день мусульманского праздника «Ураза-Байрам» 14 марта 1929 г. партийная ячейка устроила антирелигиозный вечер в клубе, где бывший мулла Хасанов делал доклад о происхождении мусульманской религии и доказывал лживость Корана. Присутствовавшие там бывший белый эмигрант (прибыл из Турции) Садрединов Джабар и середняк Халилов Ибрагим выступили против Хасанова [1, с. 80]. Они сказали: «Бог есть, Коран от Бога и Мухаммед наш Пророк – все это мы не должны забывать». При этом они призывали граждан не верить Хасанову, так как он «этим показывает преданность Советской власти». Кроме того, они угрожали Хасанову избиением, требовали изгнать его из аула как изменника [1, с. 80].

Известный этнограф А.А. Ярлыкапов, также отмечает соглашательскую позицию многих представителей мусульманского духовенства, в том числе верховного кадия Караногайского района Тангатар-эфенди, который в своих проповедях говорил о важности сотрудничества с Советской властью [8, с. 123].

В рассматриваемый период многие ногайцы – религиозные деятели были лишены избирательных прав, подвергались преследованиям и арестам со стороны НКВД. А.А. Ярлыкапов приводит их имена: Балтен-эфенди Арсланов, эфенди Зармамбет, эфенди Казимбет, Эрадель Салыбаев, Мамай Сетиков [8, с. 126–127].

Многие из арестованных или лишенных избирательных прав боролись за восстановление в своих правах. Так, бывший помещик Динив-бай, живший в районе с. Сары-Су, хорошо знавший Коран, друживший с Балтен-эфенди, раздававший «садака», поддержал Советскую власть, оказывал ей помощь, однако был арестован и содержался в тюрьме г. Махачкалы 40 дней. Благодаря собранным документам, подтверждавшим его материальную помощь Красной Армии и проч., он был освобожден и вернулся к созидательному труду [2, с. 40].

Подобная ситуация произошла и с состоятельным купцом, преподавателем медресе, муллой Кидирниязовым Нугманом. Несмотря на лояльность и помощь Советской власти, он был арестован, более месяца провел в тюрьме, а затем благодаря поддержке своих земляков был освобожден и продолжил свою работу, совмещая преподавание в медресе с преподаванием в светской школе, работая при этом в сельском Совете.

Подробно в монографии А.А. Ярлыкапова описана борьба эфенди Мамая Сетикова за восстановление в избирательных правах [8, с. 126–127].

Некоторые муллы и знатоки арабского языка активно работали в органах государственной власти. Так, мулла Аджиманбет Казболганов, долгое время работавший сек-

ретарем у Арсланова Балтена–кады, был назначен секретарем сельского Совета с. Сары-Су, он же вел бухгалтерию, а также документацию районного судьи на арабском языке [3, с. 45].

В 20–30-е гг. XX в. среди ногайцев получили распространение идеи суфизма. Так, в Караногайском районе действовали мюриды, ведшие религиозную деятельность. Вот как об этом сообщают информационные сводки ОГПУ (январь–декабрь 1929 г.): «В Караногайском участке Кизлярского района имелось 184 мюрида, находившихся под руководством шейха Магомед-Али, проживавшего в Хасавюртовском округе. Связь между ними осуществлялась путем поездок мюридов к нему и наоборот. И в тех и других случаях мюриды под его моральным давлением производили значительные пожертвования деньгами и натурой, скотом. Этот шейх выуживал у ногайцев золото под предлогом того, что к нему являются мюриды из других государств, где советские бумажные деньги ... не принимаются» [1, с. 64].

Оказывал влияние на ногайцев и имел последователей шейх Даниял, ведший проповедническую деятельность в 1926–1927 гг. [8, с. 127]. В отчетном докладе Дагестанского отдела ОГПУ, датированном 1933 г., отмечается, что в Ачикулакском районе действовала секта шейха Бильт-Аульского. Общее число мюридов Ачикулака не указано, но отмечено, что их общее количество с мюридами этого же шейха Хасавюртовского района составляло 400 человек. Деятельность шейхов, мюридов предлагалось прекратить, ужесточив наказания, что и было сделано в дальнейшем.

На уменьшение числа верующих влияла и деятельность Союза воинствующих безбожников, отделение которого вело работу и в Дагестане. Так, в материалах второго пленума Дагестанского Совета Союза воинствующих безбожников дается задание Кизлярскому, Шелковскому, Ачикулакскому (районы проживания ногайцев), Буйнакскому Советам проработать вопрос о засевах «Безбожных гектаров» в период весенней посевной кампании силами членов СВБ с привлечением органов Наркома земледелия (земотделов) и распространить этот опыт на другие плоскостные районы республики [1, с. 95].

8 апреля 1929 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», по которому религиозные объединения всех культов должны были быть зарегистрированы. Постановление № 329 НКВД РСФСР «О регистрации религиозных объединений» от 10 октября 1929 г. обязывало все религиозные объединения перерегистрироваться до 1 мая 1930 г., не прошедшие процедуру регистрации считались закрытыми. Республиканская культовая комиссия при Президиуме ЦИК Дагестана была организована 9 июля 1931 г. [5, с. 41]. Во многих сельских районах республики, особенно в отдаленных, к которым можно отнести Ачикулакский и Караногайский, не была проведена регистрация религиозных объединений, что за собой влекло закрытие мечетей.

Результаты проведенных мероприятий можно увидеть по статданным о количестве действующих мечетей и церквей из документов ОГПУ. В отчетном докладе Дагестанского ОГПУ о деятельности мусульманского духовенства, датированном 9 октября 1933 г., отмечается, что из имевшихся в Караногайском районе 27 мечетей, все 27 были закрыты «по решению общества» [1, с. 105]. Сокращение посещаемости мечетей, а также боязнь репрессий являлись причинами уменьшения числа мулл и кадиев. Всего в Караногайском районе было 68 кадиев, исполняющих обязанности кадиев – 4, а 64 бросили службу из-за боязни арестов. В районе числился 81 мулла. Исполняющих же обязанности осталось 11, а 70, согласно документу – «бросили службу» [1, с. 106].

В сводках ОГПУ за 1936 год отмечалось, что в Ачикулакском районе до революции было 17 мечетей, к 1936 году 4 – закрыты, 3 – преобразованы под культпосветучреждения, 1 – использована под склад. Не закрытых молитвенных заведений было 13, но действующих среди них не было. Служителей культа: мул и кадиев – нет [1, с. 121].

В Каясулинском районе до 1917 г. было 18 мечетей, к 1936 году – 14 были закрыты, 2 – использованы под склад. Не закрытых молитвенных заведений – 4, действующих – 2. Служителей культа: мул и кадиев вообще не было [1, с. 123].

В Караногайском районе до начала «борьбы с религией» действовало 25 мечетей, все они были закрыты к 1936 году. В Шелковском районе продолжали действовать две мечети [1, с. 124–125].

Необходимо отметить, что важными причинами сокращения действующих кадиев и мулл являлись их повышенное налогообложение и лишение избирательных прав, при этом большинство мулл и кадиев, становясь «бывшими», продолжало осуществлять обряды, официально не являясь кадием и муллой. Также характерным было и то, что в большинстве случаев исполняющими обязанности священнослужителей в рассматриваемое время являлись старики, инвалиды, не способные к физическому труду, а служба муллой или кадием была для них источником существования. Многие ногайцы, зная арабский язык и Коран, выполняли функции священников неофициально: Д. Аджимурзаев, М. Магомедяева, С. Бекеева, К. Махмудов, М. Айсмуханбетов и др.

В целом в плоскостных районах, где в историческом прошлом было меньше религиозных авторитетов, шло сокращение религиозной активности населения, хотя отдельные выступления и «глухое» недовольство населения антирелигиозными мероприятиями наблюдались.*

По данным на 1 января 1936 года, в Дагестане административными органами было закрыто 915 мечетей, 10 церквей. В 1940 г. в Дагестане сохранилось только 586 мечетей. Был зарегистрирован 371 мусульманский священнослужитель.

Таким образом, в изучаемый период мусульманская культура и образование продолжали оказывать влияние на население ногайских районов, но с середины 30-х годов XX в. ввиду жесткой политики государства по отношению к религии она отходит на второй план и перестает играть доминирующую роль в духовном развитии населения. К 1940 г. в районах компактного проживания ногайцев были закрыты мечети, мусульманские школы, многие священнослужители были репрессированы или официально отказывались от сана, отправляли обряды и обучали чтению Корана тайно.

Литература

1. Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). Документы и материалы / сост.: Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, М.М. Амирханова. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007.
2. Львова В. Цементируют дружбу. – Чебоксары, 2013.
3. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2004.
4. Республика Дагестан. Административное устройство, население, территория (60-е годы XIX – 90-е годы XX в.): статистический справочник / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, Р.И. Джамбулатов, Д.Б. Ахмедова – Махачкала: Юпитер, 2001.
5. Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство Дагестана и власть: история взаимоотношений (1917–1991 гг.): автореф. дис. ... д. ист. н. – Махачкала, 2010.
6. Сулейманова А. Развитие ислама в с. Иргаклы // Ногайский вестник. – Черкесск, 2014. – № 8 (27).
7. Уйсенбаев А.А. Развитие религиозного и светского образования в Ногайской степи на рубеже XIX–XX веков // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой международной научно-практической конференции. – Черкесск: КЧГУ, 2014.
8. Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев. – М.: ИАЭ РАН, 2008.

Поступила в редакцию 25.07.2014 г.

* Подробнее см.: Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. Социальные противоречия в дагестанском обществе в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. и мусульманское духовенство // Исламоведение. – Махачкала, 2012. – № 2. – С. 45.